

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Павлова Оксана Сергеевна

канд. ист. наук, доцент

Стерлитамакский филиал

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

г. Стерлитамак, Республика Башкортостан

ИЗУЧЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕЛИГИОЗНОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация:** в данной статье проанализирован опыт теоретико-методологического осмысления зарубежными и отечественными учеными содержания и перспектив исследований в области исторической антропологии. Автором изучены перспективы использования данного подхода в области изучения повседневной жизни различных социальных слоев, их культурно-религиозной практики на материалах отечественной российской истории.*

***Ключевые слова:** историческая антропология, ментальность, методология, новая историческая наука, религиозная антропология.*

Возникновение исторической антропологии как научного направления со сложившимся кругом вопросов и методов стало одним из проявлений глобальной смены ориентиров исторического познания, получившей название «Новой исторической науки». На современном этапе развития методологии исторической науки это название хорошо известно многим отечественным историкам, каждый из которых предлагает собственное определение этого научного направления. Популяризации этого направления (преимущественно в его французском варианте) немало способствовали статьи и книги известного советского и российского историка А.Я. Гуревича, а также издание в переводе на русский язык ряда работ признанных мастеров исторической антропологии: Марка Блока, Жака Ле Гоффа, Филиппа Арьеса, Натали Земон Дэвис [2].

А.Я. Гуревич предложил такое определение: историческая антропология – это «история, которая во многих своих подходах сближается с этнологией ... и выделяет черты отличия человека другой эпохи и иной культуры от человека наших дней» [4]. Историческая антропология – это, с одной стороны, закономерное завершение эволюции понятия ментальности, предложенного основателями журнала «Анналы» Марком Блоком и Люсьеном Февром, а с другой – результат начавшегося в 60–70-е гг. XX века плодотворного взаимодействия историков с этнологами, психологами и лингвистами (аналогично сближению с географами и экономистами в довоенный период и в 50-е гг. XX века) [4].

На настоящий момент можно выделить наличие не менее двух трактовок или программ исторической антропологии в современной науке. Одна трактовка связана с традицией школы «Анналов» (включая не только французских историков, но и их единомышленников в других странах); для нее характерно видеть в исторической антропологии «новую историческую науку» в целом, а сам ее предмет представлять в виде очень устойчивых, существующих в длительной временной протяженности структур повседневности. Другой вариант понимания исторической антропологии представлен Питером Берком; к нему близки также итальянские приверженцы микроистории (К. Гинзбург, Дж. Леви и др.), некоторые американские (Н.З. Дэвис) и германские (Х. Медик) исследователи. В этой версии историческая антропология предстает лишь как одно из направлений социальной (социокультурной) истории, а в качестве инструмента исследования рекомендуется «социальный микроскоп» [3].

Мэтры исторической антропологии (такие, как А. Бюргер, Ж. Ле Гофф, А.Я. Гуревич) неоднократно подчеркивали, что у этого направления нет своего особого исследовательского «поля», своей особой проблематики. Тем не менее, при широком разнообразии тематики историко-антропологических исследований можно выделить несколько проблемных областей, в которых данный подход в последние десятилетия оказался особенно плодотворным. В качестве «путеводителя» по этим тематическим направлениям внутри исторической антропологии воспользуемся статьей А. Бюргера, опубликованной в 1986 г. в «Словаре

исторических наук». Бюргер называет следующие «принципиальные направления» исторической антропологии: 1) материальная и биологическая антропология, касающаяся истории тела, восприятия жизни и смерти, сексуальных отношений и т.д.; 2) экономическая антропология, изучающая, «экономические привычки», формируемые часто под воздействием факторов неэкономического порядка: социальных, моральных, религиозных; 3) социальная антропология, в центре внимания которой – семейные и родственные структуры; 4) культурная и политическая антропология: в этой рубрике Бюргер объединяет изучение народных верований и обрядов, с одной стороны, и антропологический подход к истории власти – с другой. Такое объединение, по мнению исследователя М.М. Крома является искусственным и каждое из них настолько важно, что заслуживает отдельного рассмотрения.

Обширным полем исследования является в последние десятилетия история народной культуры, понимаемой антропологически, т.е. как «система разделяемых всеми значений, отношений и ценностей, а также символических форм, в которых они выражаются или воплощаются» (П. Берк) [5]. При таком широком подходе верования также рассматриваются как один из аспектов народной культуры. А поскольку последняя в минувшие века характеризовалась большим влиянием религии, данное направление неразрывно связано с религиозной антропологией, т.е. изучением субъективного аспекта веры, народной религиозности. Интерес представляет опыт таких исследований у нас, в России. Предпосылки для становления исторической антропологии в России появлялись за прошедшее столетие не раз, однако, как направление она возникла в нашей стране совсем недавно. Еще в начале XX века получили развитие идеи «религиозного фонда» и «среднего религиозного человека», выдвинутые Л.П. Карсавиным, – идеи, весьма созвучных понятию «ментальности», к которому в те же годы подходили независимо друг от друга Й. Хейзинга в Голландии и М. Блок во Франции. В России эта линия не получила развития по причине сложившихся условий развития исторической науки: научная изоляция от остального мира и принудительное единомыслие на основе марксизма не способствовали возникновению новых

направлений исторических исследований. Новаторские работы появлялись и впредь, однако в сложившихся условиях у них не было шанса стать своего рода маяком для идущих следом ученых. Возрождение интереса к данному направлению стало возможным лишь в 1990-е годы. В 1991 году в Российском государственном гуманитарном университете был создан Российско-французский центр исторической антропологии имени Марка Блока. В 1993 году было подписано соглашение между Сорбонной и РГГУ об обменах студентами и исследователями и взаимном признании диплома Центра Марка Блока. В целях дальнейшего совершенствования и повышения эффективности исследовательских поисков и разработок Ученый Совет Исторического факультета МГУ в 1997 году ввел в структуру исторического факультета новое подразделение – Информационно-аналитический центр по теоретическим проблемам исторической науки. Учредителями научного органа стали ведущие специалисты в области методологии истории: А.Л. Ястребицкая, Л.П. Репина, Н.И. Цимбаев, А.И. Патрушев, Н.Б. Селунская, А.К. Соколов, И.М. Савельева, Е.И. Пивовар и др. В числе задач данной структуры была отмечена необходимость обобщения отечественного и мирового опыта в области применения в исторических исследованиях теории и методов смежных гуманитарных дисциплин, максимальное внедрение в практику преподавания теоретических проблем современной исторической науки междисциплинарных подходов. Такая целенаправленность исследований стала мощным стимулом развития и исторической антропологии [6].

Среди тем исследований, выполненных в заявленном контексте, преобладает религиозная антропология, т.е. изучение субъективной стороны веры, народной религиозности, как определил это направление в свое время Л.П. Карсавин. Коллегами Л. Штайндорфа в России, изучающими разные аспекты поминальной практики Древней Руси, являются А.И. Алексеев и С.В. Сазонов [1]. Исследованием народного православия XVIII в. плодотворно занимается Е.Б. Смилянская [8]. в своих исследованиях автор противопоставляет друг другу не разные слои населения, а народную религию, присущую в той или иной мере пред-

ставителям различных социальных групп – официальному учению церкви. Подобно другим историко-антропологическим исследованиям, работы Е.Б. Смилянской подчеркивают инаковость изучаемого общества, несмотря на его кажущуюся близость к нашему времени и вскрывают обширный пласт архаической культуры в «просвещенном» XVIII веке.

Среди первых опытов разработки политической антропологии можно упомянуть раздел в книге М.Е. Бычковой, посвященный обряду коронации русских государей в XVI в., а также наблюдения А.Л. Юрганова над эволюцией государственной символики, отразившейся в изображениях на печатях [9]. Институциональное развитие предметной области военно-исторической антропологии нашло отражение в исследовательском опыте Е.С. Сенявской. При этом сфера применения антропологического подхода постепенно расширяется: в нее все больше включается история повседневности, будней и праздников, история частной жизни, семьи, детства и т.д. [7].

Таким образом, характерными чертами антропологически ориентированной истории как определенного подхода являются: междисциплинарность, активный диалог как с другими науками (антропологией, социологией), так и между разными отраслями исторического знания (социальная, экономическая, политическая история объединяются вокруг понятия «культура»); преимущественное внимание к межличностному и межгрупповому взаимодействию, взгляд на происходящие процессы с позиции их участников; изучение всех видов социальных практик, рутины и повседневности на всех уровнях и во всех проявлениях (от поведенческой культуры до культуры политической, религиозной и др.).

Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ №В 15-40.

Список литературы

1. Алексеев А.И. Иосифлянство и нестяжательство в свете поминальной практики XV в. / А.И. Алексеев // Первые Дмитриевские Чтения. Материалы науч. конф. – СПб., 1996. – С. 78–91.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 174 с.

3. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. – М., 1992. – 178 с.
4. Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург, 2000. – 233 с.
5. Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории / К. Гинзбург. – М., 1996. – С. 207–236.
6. Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории / Дж. Леви. – М., 1996. – С. 167–190.
7. Земон Девис Н. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века / Н. Земон Девис. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 400 с.
8. Земон Дэвис Н. Обряды насилия // История и антропология. Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков / Н. Земон Дэвис. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 111–162.
9. Земон Дэвис Н. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / Н. Земон Дэвис [и др.] История женщин. В 5 томах. Том 3. – СПб.: Алетейя, 2008. – 560 с.
10. Гуревич А.Я. «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя / А.Я. Гуревич // Одиссей, 2003. – С. 221–240.
11. Гуревич А.Я. История в человеческом измерении (Размышления медиевиста) // Новое литературное обозрение. – 2005. – №75. – С. 39–40.
12. Кром М.М. Историческая антропология. Учебное пособие / М.М. Кром. – СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. – С. 65–76.
13. Мелешко И.Е. Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша. Сборник научных статей / Под ред. А.Н. Нечухрина. – Гродно: ГрГУ, 2012. – С. 173–174.
14. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. – М.: РОССПЭН, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/library/18_s/en/yavskaya_00.htm (дата обращения 01.11.2014).

15. Сенявская Е.С. Символы-образы и мифы войны / Е.С. Сенявская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://his.1september.ru/article.php?ID=199903103> (дата обращения 01.11.2014).
16. Сенявская Е.С. Великая Отечественная война: психология советского солдата / Е.С. Сенявская // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2010. – №5. – С. 3–15.
17. Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. / Е.Б. Смилянская. – М.: Индрик, 2003.
18. Смилянская Е.Б. О концепте «суеверие» в России века Просвещения // Сны Богородицы: Исследования по антропологии религии / Е.Б. Смилянская. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. – С. 19–31.
19. Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд / А.Л. Юрганов // Отечественная история. – 1997. – №3. – С. 52–75.
20. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры / А.Л. Юрганов. – М.: МИРОС, 1998.
21. Каравашкин А.В. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности / А.В. Каравашкин, А.Л. Юрганов. – М.: РГГУ, 2003. – 385 с.